

Пресняков Ян Сергеевич, Студент
Высшая школа экономики
Presnyakov Yan Sergeevich

Прохоров Георгий Викторович, студент
Высшая школа экономики
Prokhorov Georgy Viktorovich

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД ВИДОМ НАУКИ: КАК КОРЕЯ СТАЛА ПОЛИГОНОМ
ДЛЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ МЕДИКОВ
CRIME DISGUISED AS SCIENCE: HOW KOREA BECAME A TESTING GROUND
FOR JAPANESE MILITARY MEDICS**

Аннотация. В статье исследуется феномен военно-медицинской преступности как качественно нового явления, сформировавшегося к началу Корейской войны. Опираясь на труды М. В. Супотницкого и концепцию «микробного завоевания» Джаред Даймонда, авторы демонстрируют разрыв между классическим пониманием военных преступлений и индустриализированным использованием патогенов. Предлагается авторская трактовка состава преступления, учитывающая специфический субъект (ученый-медик), особый объект (иммунная система человека) и «медицинский» умысел, направленный на имитацию естественной эпидемии.

Abstract. The article examines the phenomenon of military-medical criminality as a qualitatively new phenomenon that emerged by the beginning of the Korean War. Based on the works of M. V. Supotnitsky and Jared Diamond's concept of "microbial conquest," the authors demonstrate the gap between the classical understanding of war crimes and the industrialized use of pathogens. The authors propose an interpretation of the corpus delicti that takes into account the specific subject (a medical scientist), the special object (the human immune system), and the "medical" intent aimed at simulating a natural epidemic.

Ключевые слова: Корейская война, военно-медицинские преступления, биологическое оружие, Отряд 731, юридическая квалификация.

Keywords: Korean War, military medical crimes, biological weapons, Unit 731, legal qualification.

Введение. От естественной катастрофы к спланированной эпидемии

История человечества – это в том числе история противостояния микроорганизмам. Как убедительно показывает Джаред Даймонд в «Ружьях, микробах и стали», европейская колонизация Америки удалась не столько благодаря технологическому превосходству, сколько из-за «непреднамеренного биологического оружия»: оспа и корь, привезенные конкистадорами, уничтожили до 90% коренного населения, не имевшего иммунитета [4, с. 226–240]. Однако парадокс XX века состоит в том, что естественный ход эволюции был взят под контроль человеком в самых циничных целях. К середине столетия патогены перестали быть лишь «бичом Божьим» или случайным спутником колонизации; они превратились в управляемый инструмент военной стратегии.

Монография М. В. Супотницкого «Биологическая война» детально реконструирует этот переход. Особый интерес представляют главы, посвященные Корейской войне, где автор на основе документов показывает, как США и их японские союзники предприняли попытку масштабного применения биологического оружия. Цель данной статьи – не просто перечислить факты, но предложить их юридическую интерпретацию. Мы утверждаем, что действия в Корее представляют собой не «обычные» военные преступления, а самостоятельный феномен – военно-медицинское преступление, которое качественно отличается от злодеяний прошлого, включая даже описанную Даймондом эпидемию в Америке. Если в XVI веке микробы работали «вслепую» на завоевателей, то в 1952 году они были таргетированы и адаптированы лабораторно.

Глава 1. Иммунологический разрыв и институализация преступления

Даймонд отмечает, что ключевым фактором гибели индейцев стала их «иммунологическая наивность» [4, с. 223]. Японские и американские военные медики времен Корейской войны сознательно воспроизвели этот природный механизм, но уже в лабораторных условиях. Разница между действием Кортеса и действиями генерала Исии – это разница между стихийным бедствием и спланированной диверсией. К 1950 году «ядро японских военно-медицинских преступников не было уничтожено, а было проспонсировано американским правительством» (Матвеев, 2025). Бывший адъютант Исии, Кобаяси, открыто заявлял крестьянам о своем участии в снабжении «Отряда 731» биоматериалом, а после войны возглавил «Кооператив деревни Кавабэ» по разведению подопытных животных [2, с. 324–330].

Супотницкий подчеркивает, что к началу боевых действий в Корее американская военная наука уже располагала технологиями «сухих рецептур» и «перьевых бомб», позволявшими распылять споры сибирской язвы и возбудителей чумы в виде мелкодисперсного аэрозоля [4, с. 298–304]. Таким образом, военно-медицинское преступление институализировалось: врачи и биологи, чья клятва обязывает их лечить, стали фабриковать «естественные» вспышки болезней в стане противника.

Глава 2. Юридическая анатомия военно-медицинского преступления (Корейский кейс)

Для обоснования необходимости новой дефиниции рассмотрим состав этого преступления, опираясь на кейсы, описанные Супотницким.

Субъект.

В отличие от классического военного преступления, где субъектом может быть любой комбатант, субъект военно-медицинского преступления – специальный. Это лица, обладающие высшим медицинским или биологическим образованием и допущенные к работе с патогенами как к орудию убийства. Прямые исполнители (пилоты F-86, сбрасывающие контейнеры) не могут быть признаны главными субъектами, так как, по свидетельствам пленных, они часто не знали содержимого бомб и действовали под видом «подавления зенитного огня» [6, с. 298–304]. Главные субъекты – это Исии, Китано, а также их кураторы из американского командования, осознанно применившие корейцев и китайцев как «биологический материал» для проверки эффективности бактериологического оружия. Возраст субъекта (ст. 26 Римского статута) и отсутствие сроков давности здесь бесспорны, так как преступление является длящимся: созданные штаммы могут быть использованы десятилетия спустя.

Объект.

Классический объект – жизнь и здоровье комбатантов. В Корее объектом стало гражданское население в целом, рассматриваемое как единая биологическая мишень. Супотницкий приводит данные о вспышках чумы в районах Чхорвона и Пхеньяна в февралемарте 1952 года, когда традиционная для этих мест эпидемиология не объясняла внезапное появление заболеваний [4, с. 346–350]. Более того, согласно Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям (часть II, статья 8), медицинский персонал не имеет права разрабатывать бактериологическое оружие. Следовательно, действия врачей, создававших «смертоносные штаммы», являются *ultra posse* – выходят за пределы их профессионального иммунитета и прав.

Субъективная сторона.

Прямой умысел на уничтожение. Если Даймонд пишет о «бессознательном» заражении индейцев (европейцы не знали о микробах), то в Корее мы видим осознанное применение. Американские летчики, как установила комиссия Нидхема, действовали по инструкции: «сбрасывать бомбы не в самом городе, а вблизи, чтобы люди и животные занесли болезни» [4, с. 359–360]. Японские же специалисты давали полный отчет о своих действиях, продолжая наработки времен Второй мировой войны. Это исключает косвенный умысел или небрежность, была цель смоделировать катастрофу, подобную колониальной Америке, но уже управляемо.

Объективная сторона.

Выражалась не просто в убийстве, а в специфических медицинских действиях: заражение питьевой воды холерой, распыление спор сибирской язвы с самолетов, отказ в медицинской помощи раненым с целью использования их как источника инфекции [5, с. 36]. Общественно опасные последствия здесь – не просто смерть, а мучительная, неестественная смерть от болезней, отсутствовавших в регионе, что доказывает искусственный характер вспышек. Причинно-следственная связь устанавливается не баллистической экспертизой, а эпидемиологическим расследованием – фактом, который кардинально меняет методику доказывания таких преступлений.

Заключение.

Корейская война 1950–1953 годов стала водоразделом в истории военных преступлений. Опираясь на концепцию Даймонда о микроорганизмах как двигателе истории и на фактологическую базу Супотницкого, мы можем утверждать, что в Корее произошла криминализация эпидемиологии. Естественный процесс распространения болезней был имитирован с помощью лабораторных технологий.

Введение дефиниции «военно-медицинское преступление» необходимо, поскольку:

Оно преследует цель не физического уничтожения огнем или металлом, а биологического «выключения» популяции через подрыв иммунной системы.

Субъект этих преступлений не маргинал и не солдат, выполняющий приказ, а ученый, нарушивший «клятву Гиппократа» и Женевские конвенции.

Доказательная база требует не военных, а санитарно-эпидемиологических методов расследования.

Корейский полуостров стал полигоном, где родилось оружие, способное сделать реальностью даймондовский сценарий «микробного апокалипсиса», но уже в масштабах всего мира. И юридическая оценка этих деяний должна это отражать

Список литературы:

1. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ ОТ 12 АВГУСТА 1949 ГОДА, КАСАЮЩИЙСЯ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ
2. Моримура С. Кухня дьявола = Morimura S. Akuma no Hoshoku. The Devil's Gluttony] / Сэйити Моримура; Предисл. М. Демченко. – М.: Прогресс, 1983. – 272 с.
3. Римский статут Международного уголовного суда 1998 года
4. Джаред Даймонд Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ. – 1-е изд. – М.: АСТ Москва, 2010. – 752 с.
5. Зеньков И.И., Матвеев И.М. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКОЙ НАД МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ // Студенческий форум. – 2025. – №28 (337). – С. 34-36.
6. Супотницкий М. В. Биологическая война. – М.: «Кафедра», «Русская панорама», 2013. – 1136 с

